

Свадьба в преисподней

Известия, — 2001, — 19 марта, — с. 7

В Центре имени Мейерхольда прошел фестиваль спектаклей Валерия Фокина

Центр имени Мейерхольда открылся фестивалем последних спектаклей его создателя и руководителя, Валерия Фокина. Единственной работой, которую не видела Москва, была чеховская «Свадьба», поставленная Фокиным в Польше, в лодзинском театре имени Стефана Ярача.

Алексей ФИЛИППОВ

Камерная постановка замечательно вписалась в небольшой зал Центра Мейерхольда: темные стены, темные скамейки, длинные темные столы, за которыми сидят первые ряды зрителей, — и сумрачный, жесткий, холодноватый спектакль. Фокин один из лучших отечественных режиссеров, то, что он делает, всегда интересно, но «Свадьба» примечательна и в другом отношении, — польский спектакль удачно дополняет представление о том пути, который его автор прошел за последние годы.

Говорят, что, работая за рубежом, он ставит и большие, сделанные по многофигурным пьесам, рассчитанные на обычный зрительный зал спектакли, но в России Фокина знают по другим работам. Жутковатый и ироничный «Нумер в гостинице горда N», страшные «Карамазовы и ад», наполненный беспросветным отчаянием «Еще Ван Гог», «Татьяна Репина», где Фокин исследует безумие и смерть и пытается работать в пограничной, смежной с религиозным ритуалом области, — он вглядывается в то, что находится вне привычной жизни, нормальных человеческих отношений и здоровой психики, его интересует новый, обращающийся к подсознанию театральный язык. Фокин выводит свою сценическую родословную от Мейерхольда и Гротовского, он ставит спектакли-исследования и не опускается до того, чтобы рассказать

«Свадьба». Гости развлекаются по своему усмотрению

публике занимательную историю или, упаси Бог, попытаться ее развлечь. Театр — серьезное дело, и зритель в нем должен быть серьезен: режиссер и артисты работают, и он, удобно устроившись в зале, тоже обязан трудиться. Ему не удастся расслабиться — жесткая, требовательная, настоящая на своем разном, сугубо пессимистичном видении мира режиссура выжмет из него все душевные соки. Лучшие спектакли Фокина стоят этих усилий: он говорит о

жизни то, чего обычный человек не видит, и делает это с умом и страстью. Проблемы начинаются, когда форма его спектаклей окостеневает и начинает подменять содержание, когда из них, рассказывающих об ужасе и морке повседневности, уходит живое ощущение страшного сюрреализма обыденности. Так было в «Татьяне Репиной» — Фокин пугал, но было не страшно, он намекал на открывающиеся за соединенными воедино драматическим действием и

православными песнопениями психологические и мистические бездны, но в это как-то не верилось. В «Нумере...» терроризировавшая Чичикова нечисть была живой, страшной, нелепой, забавной, а к здешнему морку режиссер относился холодно и бесстрастно — он выстраивал из него спектакль, а в остальном был к нему вполне равнодушен. Нечто подобное происходит и в «Свадьбе».

Чехова Фокин превратил в ритуал: свадебные гости весе-

лятся, двигаясь и разговаривая, как механические куклы. Единственный живой человек — престарелый и нелепый капитан Ревунов-Караулов, попавший на свадьбу как кур в ошип: он ведет себя совершенно естественно, и ему, разумеется, не поздоровится.

Шафер вскакивает из-за стола, как выглядывающая из часов кукушка, и одним и тем же судорожным и заполненным голосом произносит тост: экзальтированная Змеюкина, женщина

знойная, ищущая внимания и любви, постоянно порывается петь, молодой выпячивает грудь, теща поджигает губки. Это одна из фокинских вариаций на темы преисподней, и когда гости, сцепившись в дикую вереницу и издавая жуткие звуки, начинают бродить по сцене и за спинами зрителей (аллаверды мейерхольдовской биомеханике), все становится ясно. Обыденный мир населен зомби — Фокин верен себе, но ровное ощущение стоящей за спектаклем профессиональной и идейной опустошенности не оставляет зрителя от первой и до последней реплики.

У Валерия Фокина счастливая творческая судьба: он работает так, как хочет, и с теми, кто ему нравится. Фокину никто не мешает развивать собственную тему. Но в положении режиссера-исследователя есть свои опасности — от разговора с публикой можно перейти к общению с актерами, затем ограничиться самим собой, а талантливого человеку нужны и другие собеседники. На этот раз Фокину не удалось сказать ничего оригинального: спектакль профессионально изощрен, но заложенная в него мысль могла бы быть взята из школьного учебника по литературе. Может быть, режиссеру пора поставить вполне традиционный спектакль, в основе которого лежала бы хрестоматийная пьеса: прививкой от банальности репертуарной сцены способен стать уход в сторону, в исследовательский, не зависящий от внешних обстоятельств театр, но профессиональная рутина может помочь собраться и выйти из круга прежних, повторяющихся тем... Фокин достроил Центр имени Мейерхольда и окончательно освободился от театральной среды и диктующих свои законы материальных забот, в спектаклях Фокина все заметней приметы внутреннего кризиса — и то и другое еще послужит темой многих статей.